

УДК 81'342.622
ББК 81.2-3

Н.С. Гуторова

**ЗАИМСТВОВАНИЕ
КАК ПРОБЛЕМА
ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА:
ИНОЯЗЫЧИЯ
И РИТОРИЧЕСКИЙ КАНОН**

Рассматриваются заимствования, прежде всего англицизмы, занимающие все более прочное место в русской лингвокультуре. Их анализ актуализируется сквозь призму проблемы лингвистической экологии, предполагающей борьбу с деструктивными явлениями в языке и направленной на обеспечение его устойчивой эволюции. В качестве заимствований исследуются иноязычия с точки зрения их соответствия / несоответствия риторическому канону, непосредственно связанному с экологией языка.

Ключевые слова: заимствования, экология языка, иноязычия, англицизмы, агнонимы, риторический канон, нормативность, адресат, реципиент.

Гуторова Наталья Сергеевна – аспирант кафедры теории языка и русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-928-136-30-23.
E-mail: tysik2802@yandex.ru

© Гуторова Н.С., 2014.

В эпоху бурного развития межкультурной коммуникации заимствование иноязычных лексических единиц является неизбежным и перспективным процессом. Отношение к ним ученых, оценка их влияния на язык-реципиент далеко не однозначны и формируют объект исследования лингвистической экологии. Необходимость изучения места заимствований в языке-реципиенте и их воздействия на него, а также важность решения этой проблемы для лингвистики обуславливают актуальность данной работы.

Цель исследования заключается в рассмотрении иноязычий через призму их соответствия / несоответствия риторическому канону, которым должен характеризоваться язык с точки зрения лингвистической экологии. В зависимости от заявленной цели в работе решаются такие задачи, как определение места иноязычий в системе заимствующего языка; описание риторических категорий, конституирующих канон, – ясности, красоты, чистоты, уместности речи; установление характера связи иноязычий с данными категориями.

В экологии языка ключевыми категориями являются деградация и реабилитация. Экологическая лингвистика предполагает отслеживание опасных симптомов деградации языка, противодействие им и обеспечение выживания языка, способствуя его устойчивому развитию и поддерживая его разнообразие. Под устойчивым развитием при этом понимается такое развитие, которое удовлетворяет потребностям настоящего вре-

мени, но не ставит под угрозу удовлетворение потребностей будущих поколений. «Особенность экологического подхода связана с основным принципом параметрирования всех языковых процессов в определенный период развития языка: позитивация / негативация, ценности / антиценности...» [Фомина, с. 51]. Рассмотрим, в какой мере иноязычия способствуют / противодействуют формированию важнейших параметров хорошей речи.

Канонические качества хорошей речи, как они сформулированы античной риторикой, это ясность, красота, чистота и уместность. Ясность – ориентир классической риторики со времен Аристотеля. Под ясностью традиционно имеется в виду доступность смысла речи для восприятия реципиентом. Именно ясность обеспечивает быстрое и легкое понимание речи. По сути дела, это самое главное, основополагающее качество речи, при отсутствии которого все другие качества лишаются смысла.

Ясность – характеристика, даваемая речи на основе ее соотношения с возможностями восприятия. Обеспечивается ясность, прежде всего, употреблением общепонятных слов в точном их значении; затемняет речь незнакомая лексика. Темные словоупотребления неприятны, как пятна на пестрой, яркой и выразительной лексической ткани языка. Они портят тексты, затрудняют мышление, наталкивают говорящих и читающих на ложные идеи и умозаключения. Иноязычные слова, особенно новейшие заимствования, близки к категории агнонимов, характеризующихся затемненностью внутренней формы для носителей языка-реципиента.

При узком понимании ясности последняя часто сводится к точности словоупотребления. При понимании ясности речи, близком к точности, рекомендуется употребление тех средств речи, которые не приводят к заведомой неясности. Акцент при этом делается на использовании слов в точном их значении, указывается на опасность синтаксической и лексической двусмысленности. В этом античном понимании ясность речи в некотором роде противостоит приятности: ясное слишком обыденно, для того чтобы быть приятным. То есть, достижение ясности не должно препятствовать формированию других важных качеств речи, особенно качеств, присущих речи художественной, поэтической.

Различие ясности и точности состоит в том, что, если ясность обеспечивает быстрое и легкое понимание речи, то точность вовсе не предполагает быстрого усвоения речи и повышенной способности к декодированию. Разветвленная терминология (включающая в том числе и иноязычные элементы) официально-делового и научного стилей обеспечивает предельную точность, но далеко не всегда связана с легкостью понимания.

Назначение иноязычий нередко состоит в том, чтобы максимально точно обозначить детали, выделить частности в общей картине; именно иноязычия нередко становятся наименованиями частными, видовыми по отношению к общим, родовым, которые оформляются либо исконными словами, либо хорошо освоенными заимствованиями (музыкаль-

ный стиль – соул, кантри, фьюжн, хэви метал и мн. др.). В этом смысле они как нельзя более соответствуют представлениям о точности. Ср.:

Если Вис Виталис определяет свой стиль как «рэп-фанк-панк-рок», то Ноггано раскачивает от песни к песне не менее широко – от «диско-панка» до «рэп-шансона», ну и старому доброму реггей тоже честь воздается (З. Прилепин «Дети рок-н-ролла»).

Категория ясности соотносится с современной концепцией убеждающей речи, которая опирается на представление о механизме убеждения через «информационное вооружение» потребности, то есть через прояснение адресатам речи картины происходящего. Современная нейролингвистическая интерпретация ясности речи состоит в следующем. Адресат убеждается в правоте говорящего именно потому, что его речь, будучи сама предельно ясной и освобождая реципиента от умственного напряжения, проясняет для него проблемную ситуацию и снимает с него груз неопределенности.

Другое важное качество речи с точки зрения античной риторики – это красота. Вплоть до сегодняшних дней именно красота признается важнейшим качеством речи, которое, однако, понимается далеко не однозначно. Чаще всего красивой считают речь, способную обратить на себя внимание, произвести благоприятное впечатление своей формой.

На первый взгляд, обилие иноязычного вредит языку. В.В. Колесов называет современную ситуацию с русским языком «варваризацией русской речи»: «В русский язык хлынули не просто заимствования, а варваризмы – чуждые нам по смыслу и по звучанию. Речь теперь идет не о свободном нашем выборе, о отборе объективно необходимых лексических средств, а о вытеснении коренного русского слова, и как следствие – русской ментальности» [с. 128]. Возражением этому, на наш взгляд, является очевидное: если бы англо-американизмы были настолько чужды нашему духу, они не были бы в такой степени востребованы. Если бы имело место насильственное их внедрение (например – в условиях оккупации), то только тогда можно было бы принять этот тезис В.В. Колесова.

Красота имеет два источника: первый – гармония между формой и содержанием речи, второй – гармония формы самой по себе. Первый источник подрывается стилевой эклектикой, характерной для сегодняшних СМИ (жаргонные слова обычны в публикациях на самые серьезные темы), второй – размывается ориентацией на иную языковую культуру. Имеются в виду обычные случаи использования англицизмов вместо имеющихся в языке, адекватных по семантике и прагматике исконных слов только потому, что первые связаны с представлениями о престижности, моде, «стильно звучат», а не потому, что иноязычные вкрапления заполняют денотативный или экспрессивный вакуум. Англицизм нередко выполняет функцию «дорогого бантика» или «ярлыка на упаковке», что позволяет сбывать не слишком качественные продукты или необоснованно завышать цены на товары и услуги: *cleaning* продается втридорога по сравнению с «уборкой» и т.п.

Думаем, что многие англицизмы и нужны языку именно как «стильно звучащие» – в этом уже заключается прагматическое различие с исконным словом. Одна из наметившихся тенденций рубежа XX–XXI вв. – стремление говорящих к множественности наименований. Интенсивность многих языковых процессов в период языковой нестабильности способствует активному накоплению обозначений одного и того же денотата, в результате чего носители языка получают огромный запас как однословных, так и составных номинаций, необходимых им в постоянно усложняющейся жизни, связанной с дальнейшей дифференциацией сфер человеческой деятельности.

Сегодня нет новых метафор, которые бы определяли «семантическое лицо эпохи», публицистические метафоры остаются преимущественно в пределах контекста. Хорошо известны глобальные метафоры прошлого (типа *базис – надстройка*), «милитаристские» метафоры, возникшие в те времена, когда наша страна ощущала себя в кольце врагов (*обойма ученых, на личном фронте*). По-видимому, что это связано с той ориентацией на иноязычие, которая характерна для последних десятилетий. Непрозрачное с точки зрения внутренней формы заимствование гораздо реже используется в качестве метафоры.

Обычно в перечне качеств хорошей речи правильность помещается первой на том основании, что она связана только с лингвистическими знаниями и навыками и должна постигаться в рамках грамматики. В широком понимании этого термина, включающем все разделы, кроме лексики, а иногда и лексику тоже; последний подход отражен в работах В.П. Даниленко [1993]. Ясность и красота связаны не только с лингвистикой, но также с логикой, психологией, этикой и эстетикой (поэтому изучение этих качеств – ясности и красоты – осуществимо только в рамках риторики). Однако в случае с иноязычиями представление о правильности также неотделимо от всех перечисленных областей знания.

Противоречат ли иноязычия такому требованию к хорошей речи, как правильность (нормативность, чистота)? С одной стороны, в ряде стран (в Германии, Румынии и др.) опубликованы словари-справочники иноязычных слов (в основном – англо-американизмов), которые запрещено использовать в публичной речи, в рекламе, поскольку имеются исконные эквиваленты, т. е. использование иноязычия приравнивается к ненормативности. С другой стороны, нормативность, как известно, определяется степенью распространения того или иного явления в авторитетных источниках, и этот критерий – один из самых важных. А если так, то получается, что англо-американизмы, за которые «голосует» значительная часть социума, не противоречат требованию нормативности, и эта позиция справедлива для большинства европейских языков.

Сегодня норма описывается в лингвистической литературе как исторически и социально обусловленный феномен и динамическая категория. Г.Г. Хазагеровым была сформулирована мысль о том, что цель

изменчивости нормы – сохранение системы гомеостата [с. 55–65]. Понятие толерантности, примененное к языковой норме, позволяет рассматривать ее как социальный конструкт, обусловленный не имманентной языковой системой, а важнейшими обстоятельствами жизни социума.

Есть мнение (имеющее, на наш взгляд, серьезные основания) о том, что ситуация с англо-американизмами в современных европейских языках вполне соответствует (в диахронии) общим процессам, ср. его характеристику на материале современного немецкого языка: «С помощью иноязычных слов человек утверждает свой культурный и общественный авторитет, заявляет свои претензии на культурное и деловое превосходство. Если в былые времена престижными были латинские цитаты, «ученые» слова с греко-латинским морфемным составом, а затем французские цитаты и слова как свидетельство определенного социального статуса говорящего, то сегодня эта роль перешла к англо-американизмам. Их употребление диктуется желанием подчеркнуть не высокий уровень образованности или знание языкового этикета, а другие качества, ценимые сегодня обществом: уровень информированности о новом, современном, технологически приоритетном. Этот мотив (его англо-немецкое выражение: *up to date sein* – быть на уровне дня) может объяснить в ряде случаев переход от немецких наименований к английским» [Чале, с. 219–220]. Итак, особый тип билингвизма и стремление построить имидж современного человека диктуют стремление использовать англо-американские вкрапления.

В. Г. Костомаров, исходя из наблюдений за текущим состоянием русского языка, делает несколько иные выводы. Они заключаются в том, что русский язык не на краю гибели и даже не в кризисе, что он просто приобретает новый облик [Костомаров].

Англицизмы, прежде всего терминологические, денотативные заимствования, передают позитивную прагматику. «*Твиттер, фейсбук, скайп, гаджет, медиа, он-лайн* – группа коммуникативно-технических терминов, которые приобщают нас к глобальной цивилизации и одновременно создают светлый фон, на котором темным прорисовывается все местное убожество – все эти *Холуево, распилы и понаехавшие*. У отечественных слов преобладает негативная эмоционально-экспрессивная окраска, у иностранных – положительная. Такова российская ментальность. Все хорошее приходит «оттуда», и пусть значение этих слов не вполне понятно, но тем более привлекательно. Что такое *распил* или *Холуево* – это понятно. А вот что такое *твиттер*? Буквально – чирикание. Отсюда и понятие сверхкоротких коммуникаций: чирикнул – и замолчал. Но у нас эти иностранные слова воспринимаются как заклинания, магические абракадабры, поскольку их корень неизвестен, непрозрачен. Советская власть, промывая мозги граждан, тоже пользовалась в основном иностранными словами», – говорится в «Независимой газете» [Эпштейн].

И.П. Хутыз справедливо отмечает способность современных англицизмов передавать особую прагматику – прагматику глобализма [с. 103–104]. Они эффективно указывают на привязанность послания к XXI столетию. Прагматика глобализма современных англицизмов соотносит повествование с абсолютно новыми тенденциями развития общества, одновременно указывая на их мировую значимость [Там же]. Поскольку прагматическая нюансировка не менее значима, чем собственно семантическая, наличие этой особой прагматики глобализма обеспечивает англо-американизмам важное место в русском дискурсе.

В лексической единице наиболее подвижный компонент – прагматические созначения. Прагматика знака меняется быстрее, чем семантика и синтактика. А.Н. Гвоздев (в учебном пособии, изданном в 1955) помещает слово *бизнесмен* в один ряд со словом *гестаповец*. Ср. этот ряд, в котором присутствует также слово *бизнес*, в учебном пособии, адресованном студентам: «Имеются слова с ярко выраженной отрицательной эмоциональной окраской, обозначающие понятия чужого и враждебного социализму капиталистического мира – *фюрер, гестаповец, фрицы, блицкриг, вермахт, бизнес, бизнесмен, Уолл-стрит, маккартизм, гангстеры*» [Гвоздев, с. 111]. Сегодня лексемы *бизнес, бизнесмен* (изменившие не семантику, а лишь прагматику) могут быть охарактеризованы как «ключевые слова эпохи», без которых нельзя судить о современности и понять ее.

Иноязычное слово может способствовать большей обобщенности, абстрактности, а может, напротив, содействовать конкретизации и детализации. Обобщение, с одной стороны, скрывает суть дела, с другой стороны, придает делу серьезность и значительность. Предельно абстрактны и размыты слова *менеджер* (от продавца до руководителя крупной компании), *бизнес* (*Кто он? – У него свой бизнес*. По сути это не означает почти ничего. Это определение через отрицание: *не госслужащий, не наемный работник, не богема*). То есть выбор иноязычного слова связан еще и с общей интенцией отправителя речи – например, стремлением к максимальной обобщенности.

Думается, что на первый план при решении вопроса об иноязычии в языке, должна быть выдвинута риторическая категория уместности. Со времен античных риторик под уместностью имеют в виду качество речи, обеспечивающее ее соответствие коммуникативной ситуации – предмету речи, условиям общения и адресату. «Уместно» означает как бы соответствие и сообразность с обстоятельствами и лицами», – сказано Цицероном в трактате об ораторском искусстве [Москвин, с. 701]. С категорией уместности коррелирует особая эвфемистическая функция англо-американских заимствований в русском языке – *файедрайзинг* вместо *идти по миру*, *секьюрити* вместо *обслуга*, *конфронтация* вместо *противостояние*, *секвестирование* вместо *сокращение*.

В современных прагматически ориентированных теориях акцент делается прежде всего на соответствии речи аудитории, вследствие чего огромное значение приобретает изучение этой аудитории, мар-

кетинговые исследования, различные методики соцопросов. Соответствие речи автору сегодня толкуется как речевой имидж и изучено гораздо слабее. Между тем даже самые поверхностные наблюдения убедительно свидетельствуют о том, что у одних писателей современные иноязычия выглядят чужеродными, обнаруживают только беспомощность автора, а у других англо-американизмы органично встраиваются в систему изобразительно-выразительных средств и служат формированию авторского идиостиля.

Соответствие коммуникативным интенциям становится главным критерием при оценке возможных вариантов выражения – с помощью «своего» или с помощью заимствованного. Понятие уместности выбора приходит на смену запрету и жесткому предписанию, формируется понимание толерантного отношения к стилистическому разнообразию вариантов, каждый из которых потенциально уместен в определенных коммуникативных ситуациях. Именно уместность речи, понимаемая в том числе и как соответствие информационным, эстетическим целям высказывания и текста в целом, есть критерий «экологичности» иноязычия.

То, что целесообразно в единичном речевом акте, может быть нецелесообразно с точки зрения функционирования системы в целом, и то, что целесообразно в расчете на одного адресата, может быть нецелесообразно в расчете на другого. Будучи оправданным в определенных типах текста, то или иное явление может «подрывать» систему в целом. В этом смысле, конечно, вполне закономерны положения М.Н. Эпштейна об угрозах для русского языка. Изменчивость нормы, в том числе и за счет проникновения англо-американизмов в общее употребление, обусловлена задачами целого, иерархией и не должна быть обращена против самого целого.

Итак, в результате анализа иноязычий логично сделать вывод о том, что они могут не только не противоречить риторическому канону, предполагающему ясность, красоту, правильность, уместность речи, но и способствовать его формированию, что соответствует нормам лингвистической экологии.

Литература

- Гвоздев А.Н.* Очерки по стилистике русского языка. М., 1955.
Даниленко В.П. Методологическая структура грамматики // Филол. науки. 1993. № 3.
Колесов В.В. Язык города. М., 1991.
Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М., 2005.
Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: терминологический словарь. 3-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д, 2007.
Фомина О.А. Концептуально-терминологическое пространство лингвистической экологии: когнитивный и функционально-семантический аспекты (на материале русского языка): дис.... канд. филол. наук. Краснодар, 2011.

Хазагеров Г.Г. Проблемы языковой нормы в свете понятий «красивого», «возвышенного» и «эффективного» (к типологии нормы) // Язык в прагматическом аспекте: экспрессивная стилистика, риторика: межвуз. сб. науч. тр. Ростов н/Д, 2003.

Хутыз И.П. Прагматика глобализма современных англицизмов // Филология как средоточие знаний о мире. М.; Краснодар, 2008.

Чале З.И. Социальная маркированность и языковой престиж иноязычного слова в современном немецком языке // Экологический вестник. Краснодар, 2006. Приложение № 3.

Этштейн М.Н. Геометрия отношений // Независимая газета. 2014 г. 17 апр.

References

Chale Z.I. Sotsial'naya markirovannost' i yazykovoi prestizh inoyazychnogo slova v sovremennom nemetskom yazyke // Ekologicheskii vestnik. Krasnodar, 2006. Prilozhenie № 3.

Danilenko V.P. Metodologicheskaya struktura grammatiki // Filol. nauki. 1993. № 3.

Epshtein M.N. Geometriya otnoshenii // Nezavisimaya gazeta. 2014. 17 apr.

Fomina O.A. Kontseptual'no-terminologicheskoe prostranstvo lingvisticheskoi ekologii: kognitivnyi i funktsional'no-semanticheskii aspekty (na materiale russkogo yazyka): dis.... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2011.

Gvozdev A.N. Ocherki po stilistike russkogo yazyka. M., 1955.

Khazagerov G.G. Problemy yazykovoi normy v svete ponyatii «krasivogo», «vozvyshennogo» i «effektivnogo» (k tipologii normy) // Yazyk v pragmalingvisticheskom aspekte: ekspressivnaya stilistika, ritorika: mezhvuz. sb. nauch. tr. Rostov n/D., 2003.

Khutyz I.P. Pragmatika globalizma sovremennykh anglitsizmov // Filologiya kak sredotochie znaniy o mire. M., Krasnodar, 2008.

Kolesov V.V. Yazyk goroda. M., 1991.

Kostomarov V.G. Nash yazyk v deistvii. Ocherki sovremennoi russkoi stilistiki. M., 2005.

Moskvin V.P. Vyrizitel'nye sredstva sovremennoi russkoi rechi. Tropy i figury. Terminologicheskii slovar': 3-e izd., ispr. i dop. Rostov n/D, 2007.

Gutorova N.S. (Rostov-on-Don, Russian Federation) Borrowings as the problem of language ecology: other language and rhetorical canon

The article discusses the borrowings, primarily English that take more permanent place in the Russian linguistic culture. Their analysis is updated in the light of the problem of linguistic ecology, involving destructive phenomena in language and designed to ensure its sustainable evolution. Borrowings are investigated in terms of their pass / fail rhetorical canon, directly related to the environment of the language. The purpose of the study is to review units of other languages through the prism of their pass / fail rhetorical canon, which should be characterized in terms of the language of the linguistic ecology. Depending on the stated purpose in the work such problems are solved as the determination of the place in the system of

the borrowing language; description of rhetorical categories that constitute the canon – clarity, beauty, purity, propriety of speech; establishing the nature of communication data categories. The analysis concludes that they can not only contradict the rhetorical canon, the alleged clarity, beauty, correctness, propriety of speech, but also contribute to its formation, which complies with the linguistic ecology.

Key words: *adoption, ecology language borrowings, rhetorical canon, normativity, the addressee, the recipient.*

Gutorova Natalya Sergeevna – post-graduate student of language theory and Russian language dpt. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication. Southern federal university. E-mail: tysik2802@yandex.ru. Phone: 8-928-136-30-23.